

С самого первого дня работа над фильмом «Безымянная птица» была обречена стать для Ши Цзяня настоящим ночным кошмаром.

Режиссер Ли Фань никогда не привык идти проторенными путями и следовать общепринятым канонам. Рассылая запросы в различные актерские агентства, он намеренно утаил тот факт, что именно он выступает в роли режиссера этого проекта. И только благодаря этой хитрости у множества безвестных, обделенных вниманием актеров появился призрачный шанс: им предлагалось снять короткометражный ролик длиной всего в три минуты и отправить его на электронную почту съемочной группы.

До того как эта возможность постучалась в его дверь, Ши Цзянь никогда не считал себя по-настоящему талантливым актером. В компании он чаще всего появлялся в кадре лишь на несколько секунд, выполняя роль безликого фона, не более того.

Он не стремился яростно бороться за каждую возможность, да и Чу Юню такая активность в его исполнении совершенно не нравилась.

«Получить шанс стать актером в развлекательной компании, - размышлял Ши Цзянь, - возможно, это своего рода особенные курсы повышения квалификации».

Например, обучение тому, как виртуозно и убедительно играть других людей, скрывая самого себя.

Он никогда ничего не просил и не требовал. С того самого момента, как он познакомился с Чу Юнем, все его жизненные решения фактически стали решениями Чу Юня.

По всей логике вещей, Ши Цзянь должен был чувствовать глубокую обиду, гнев или горечь, считая, что превратился в пустую, безжизненную оболочку, полностью лишенную собственной воли. Любой другой назвал бы это несправедливостью и бесчеловечным обращением.

Но Ши Цзянь так не считал.

Ему казалось, будто он был рожден лишь для того, чтобы принадлежать Чу Юню. А сам Чу Юнь был той самой костью, что идеально, без единого зазора, выросла в его ребра, став частью его

самого.

Какое бы решение ни принял Чу Юнь, Ши Цзянь всегда отвечал одним и тем же словом:

- Хорошо.

Ши Цзянь искренне верил, что это вовсе не было попыткой угодить молодому господину или задобрить его. Он просто... не видел никакого смысла в борьбе. К тому же такая абсолютная «покорность» не доставляла Чу Юню никакого удовольствия, а значит, ее нельзя было назвать заискиванием.

Безусловное «хорошо», которое Ши Цзянь произносил с таким постоянством, чаще всего встречало лишь холодные, язвительные насмешки или вспышки гнева, что никак не способствовало улучшению их совместной жизни.

И к этому Ши Цзянь тоже относился с полным равнодушием.

Ему было совершенно все равно, как именно сложится его судьба, лишь бы ему позволялось оставаться рядом с Чу Юнем - только тогда его сердце обретало небывалую, почти пугающую жизненную силу.

Ши Цзянь не мог объяснить и даже не пытался понять, каким образом эта абсурдная, граничащая с безумием любовь смогла просуществовать до сих пор. Его разум просто отдавал приказы, ежесекундно и неустанно твердя одно и то же:

«Очень люблю его, люблю его безоговорочно».

Чу Юнь был для него всем миром.

Поскольку агент не придавал этому случаю никакого значения, отправленный Ши Цзянем ролик не был полноценной актерской игрой. Скорее, это был случайный, обрывочный видеодневник из его повседневной жизни.

Ши Цзянь, который даже в шумной «развлекательной» компании умудрялся оставаться тихим и незаметным, просто смотрел на суетящуюся вокруг толпу. Услышав, что его зовут, он машинально обернулся. В тот самый миг, когда он увидел направленный на него объектив

камеры, его взгляд на мгновение дрогнул, и на губах появилась растерянная, почти детская улыбка.

- Мне нравится твой взгляд, полный «отсутствия чувства принадлежности», - позже заметил режиссер. - Это выглядит так естественно. Ты идеально подходишь для этой роли.

Слова режиссера привели Ши Цзяня в глубокое замешательство. Как это - «не иметь чувства принадлежности»?

Большинство людей в этом мире не могут с уверенностью сказать, кому или чему они принадлежат, но Ши Цзянь мог ответить на этот вопрос легко и мгновенно.

Он принадлежал Чу Юню.

Однако он не стал спорить, так как по своей натуре никогда не был склонен к пререканиям. Он просто, покорно повинаясь указаниям режиссера, начал превращаться в Пэн Шу.

До того момента Ши Цзянь даже не подозревал, что эта роль окажется экзистенциальным кошмаром, способным в одночасье разрушить психологическую защиту любого, даже самого крепкого актера.

Пэн Шу, выросший в глухих горах, однажды, после смерти матери, вдруг обнаружил, что никто вокруг не может точно сказать, откуда он вообще взялся. Видя сомнения и недоумение окружающих, он и сам начал путаться в собственных воспоминаниях. Постепенно он стал подозревать, что является лишь призрачной тенью, порожденной этими мрачными горами.

Больше всего на свете он любил забираться на самое высокое дерево в лесу и смотреть вдаль, туда, где горизонт сливался с небом.

Однажды, взобравшись на самую вершину, он увидел группу красно-зеленых теней, которые радостно танцевали и пели, подхваченные вольным ветром.

Пэн Шу не мог отвести взгляд от этого зрелища. В тот миг он принял решение.

Он хотел отправиться туда, в тот далекий мир, и увидеть всё своими глазами.

Все вокруг внезапно запаниковали, словно услышали страшное пророчество дьявола, и изо всех сил пытались его остановить, удерживать, запретить уходить.

Но у Пэн Шу всегда находился способ обмануть их.

Он был сильнее всех, его ноги были самыми быстрыми. И каждый раз ему «удавалось» вырваться и добраться до внешнего мира: он начинал работать, влюбляться, жить полноценной жизнью. Но в какой-то непредсказуемый момент... во сне, при случайном повороте головы или в одно мгновение он обнаруживал, что снова вернулся под то самое дерево в горах.

Раз за разом. Пэн Шу медленно сходил с ума. Он начал всерьез сомневаться в том, существует ли он вообще на самом деле.

Каждый человек описывал его по-разному, и эти противоречия сводили его с ума. Он пытался размышлять, анализировать, но даже воспоминания, словно жидкая, вязкая грязь под ногами, не давали никакой опоры.

Он пришел к выводу, что, возможно, никогда по-настоящему не существовал, а был лишь какой-то призрачной, несуществующей «безымянной птицей».

В конце концов Пэн Шу в последний раз взобрался на самое высокое дерево в горах. Он отказался от бессмысленной борьбы и тщетных попыток побега, окончательно приняв «реальность» того, что он, возможно, никогда не был живым человеком. Он просто примостился на ветке, подобно птице, безучастно наблюдая за этим, быть может, тоже нереальным миром.

До тех пор... пока снова не услышал то самое красно-зеленое пение.

Тогда он сбросил свои одежды, расправил невидимые крылья, спрыгнул с высоких ветвей и окончательно стал той самой безымянной птицей.

Для любого профессионального актера эта роль была сродни жестокой психологической деконструкции.

Фильм требовал от Ши Цзяня постоянного и резкого перемещения между совершенно разными эмоциональными уровнями.

От глубокого замешательства по поводу собственной личности к неконтролируемой панике после очередного неудачного побега, затем к мучительным сомнениям в реальности окружающего мира, к ледящему страху перед осознанием собственного небытия и, наконец, к холодному, безразличному принятию тотальной фальши.

Слой за слоем нарастающее отчаяние требовало от актера полного, абсолютного погружения в персонажа.

Долгое время, разыгрывая тему «существую ли я на самом деле», Ши Цзянь не заметил, как позволил своим внутренним защитным барьерам окончательно рухнуть.

В процессе съемок он постепенно перестал различать, где заканчивается игра и начинается реальность.

Спутанные, обрывочные воспоминания Пэн Шу начали отравлять психику Ши Цзяня, а тревога персонажа о собственном существовании пустила глубокие корни в его сердце.

Он часто просыпался посреди ночи в холодном поту, всерьез сомневаясь, существует ли он на самом деле и не являются ли все окружающие его вещи лишь искусной иллюзией.

Иногда ему снился Чу Юнь.

Во сне Чу Юнь был нежен, как теплая весенняя вода. Он заключал его в объятия, словно боясь, что тот может разбиться вдребезги, целовал горькие слезы в уголках его глаз и снова и снова, шепотом, повторял, что любит его.

Это был Чу Юнь из самых сокровенных фантазий Ши Цзяня, и сон был настолько прекрасен, что он не хотел просыпаться, желая навсегда остаться в этом мареве.

Однако ситуация становилась всё хуже.

Ему начало сниться, что он прыгает в темную, глубокую реку, а обернувшись, с ужасом видит, что тянет за собой в бездну и Чу Юня тоже.

Даже когда камера переставала вращаться, даже когда режиссер громко кричал: «Снято!», чувство всепоглощающей пустоты Пэн Шу, словно неотступный призрак, продолжало преследовать Ши Цзяня.

Он начал бояться смотреть в зеркало, потому что лицо в отражении казалось ему чужим, размытым и незнакомым. Он боялся засыпать, потому что каждый раз, когда ему снился нежный Чу Юнь, пробуждение превращалось в еще более страшный и жестокий кошмар.

«Если реальность так холодна и безжалостна, если она состоит лишь из нахмуренных бровей и отвращения в глазах Чу Юня, – думал Ши Цзянь, – то сон – это единственное прекрасное, что у меня осталось».

Но если любой сон неизбежно заканчивается пробуждением, то лучше вовсе не видеть снов.

Возможно, его отправляли к доктору Жуань – раз, два или даже больше... он уже не мог вспомнить точно.

Подобно Пэн Шу из фильма, Ши Цзянь в моменты своего странного «просветления» всегда возвращался под то самое дерево на съемочной площадке.

Никто не мог его остановить; все лишь в молчании смотрели, как он медленно взбирается вверх, окончательно становясь Пэн Шу.

Съемки «Безымянной птицы» напоминали эшафот, построенный специально для Ши Цзяня. В день окончания съемок торжественные ликования сменились тяжелой, гнетущей тишиной.

Но всё еще не было закончено.

После этого Ши Цзянь долгое время прятался в густой темноте резиденции Чжоуинь, лишь через узкую щель в шторах наблюдая за деревьями снаружи. Эти деревья стали его единственными друзьями, и иногда он испытывал непреодолимое желание подойти и коснуться их, но покинуть комнату для него стало почти невыполнимым испытанием.

«Это Чу Юнь спас меня», – так думал Ши Цзянь.

Спасение в глазах Ши Цзяня выглядело весьма специфически: Чу Юнь просто выломал дверь, с треском сорвал шторы и швырнул на пол высокого, но исхудавшего до одних костей Ши Цзяня.

Среди испуганных возгласов прислуги они оба рухнули на ковер, тяжело и рвано дыша, словно оказавшись в объятиях.

В ушах звенело, в глазах всё плыло. Ши Цзянь не мог четко разглядеть лицо Чу Юня, но смутно слышал его гнев.

Он наверняка был в ярости и сыпал проклятиями.

Чу Юнь прижался губами к его уху и со злобной, почти хищной усмешкой сжал затылок Ши Цзяня, заставляя того, у кого не было сил даже просто подняться с пола, поднять голову.

Ши Цзянь смотрел на Чу Юня глазами, которые, даже будучи глубоко запавшими, оставались бесконечно печальными и очаровательными.

Он видел, как тот улыбается, и слышал тихие, почти ласковые слова:

– Хочешь умереть?

Ши Цзяню не было больно, и он не чувствовал страха, но его тело билось в непроизвольных физиологических конвульсиях. Он отчаянно хотел сказать «нет», но не мог произнести ни единого слова.

- Попробуй только убить его.

Ши Цзянь знал: Чу Юнь говорит ему не смей убивать Тун Хуа.

Странно, но тот, кто должен был умереть от сердечной боли и кто всеми силами избегал «жизни», вдруг всё понял.

Он должен жить, чтобы радовать Чу Юня.

Ши Цзянь может умереть, но Тун Хуа - нет.

И в этот самый миг он ожил.

Это был долгий, мучительный процесс восстановления, занявший целых девять месяцев.

Поэтому, когда Ши Цзянь говорил, что «Чу Юнь - филантроп», он был абсолютно искренен.

Он не скупился на средства, предоставляя этой израненной птице время и деньги, необходимые для восстановления в полном покое, давая человеку, который был на грани смерти, шанс вновь обрести плоть и силы.

Он проявил поистине безграничное терпение, позволяя Ши Цзяню укрыться здесь, чтобы тот мог окончательно отсечь от себя Пэн Шу и освободить место для истинного Тун Хуа.

Чу Юнь перебрался в резиденцию Чжоуинь, когда окончательно устал от бездушных бетонных высоток. Это были одни из тех редких мгновений, когда Ши Цзянь чувствовал себя по-настоящему спокойно. Это место стало для него своего рода «персиковым источником» - тихой гаванью, которую он искренне любил.

Более того, здесь имелся уголок, принадлежавший исключительно ему - невольный, почти случайный дар Чу Юня.

Солнечный свет мягко струился по извилистой горной дороге, ведущей к склону. Трехэтажная вилла, скрытая в глубине тщательно ухоженного леса, выглядела величественно. Светло-серый гранит и кремовый мрамор переплетались в ее облике, излучая сдержанную, но почти осязаемую, трудно игнорируемую роскошь.

Колеса автомобиля мерно зашуршали по гравийной дорожке, и звук шин окончательно затих, когда машина выехала на идеально подстриженный, напоминающий дорогой ковер, зеленый газон.

Ли Чжися вышел из салона и, крепко прижимая к груди папку с документами, прошел по залитому светом коридору первого этажа. Подошвы его туфель тихо, почти призрачно отдавались эхом от безупречно гладкого мраморного пола.

Картины и скульптуры, украшавшие стены главного зала, были, как и всегда, холодными и строгими. Лишь два не самых дорогих цветка в изящной хрустальной вазе, стоявшей в углу, вносили в эту стерильную атмосферу нотку уюта.

Свернув в коридоре налево, он миновал столовую.

За стеклянной дверью в самом конце столовой располагалось самое светлое и воздушное место во всей усадьбе.

Оранжерея, укрытая огромным стеклянным куполом, напоминала идеально отполированный драгоценный камень, вставленный в сердце этого поместья.

Обернувшись, с этого ракурса можно было разглядеть силуэт, почти полностью утопающий в пышной зелени.

Ши Цзянь, одетый в мягкий бежевый кардиган, сидел на корточках под цветочной полкой, сосредоточенно подрезая ветки. Он был настолько тих и спокоен, что почти сливался с растениями, и этот вид заставил сердце Ли Чжися немного успокоиться.

Ши Цзянь повернул голову, заметил Чжися и мягко, едва заметно улыбнулся.

Ли Чжися был настолько ошеломлен этой неземной красотой, что на мгновение растерялся; он поспешно отвел взгляд и, густо покраснев, вежливо поклонился.

Дворецкий, наблюдавший за этой сценой издалека, едва заметно кивнул:

- Молодой господин в кабинете.

Ли Чжися поблагодарил его, дважды тихо постучал в дверь кабинета и, получив молчаливое разрешение, вошел.

Чу Юнь сидел в торце длинного массивного стола. Пиджак был небрежно наброшен на спинку стула, а две верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Он задумчиво смотрел в окно, и яркий свет подчеркивал резкие, холодные линии его профиля.

- Что-то случилось? - он медленно повернулся, и между его бровей промелькнула тень раздражения.

Ли Чжися поспешно протянул подготовленные документы:

- Два предмета из серебра, доставленные из Италии, приняты. На следующей неделе французская галерея пришлет ту картину «Сумерки», команда реставраторов уже на связи...

- Датчики температуры и влажности в кладовой на третьем этаже вчера подали сигнал тревоги, госпожа Фан уже попросила мастера по оборудованию все проверить...

Он методично докладывал о повседневных мелочах, касающихся работы галереи «Наследие». На самом деле Фан Жуйцю уже давно всё уладила, и от Чу Юня не требовалось принимать никаких важных решений, но эта отчетность оставалась обязательной, незыблемой процедурой в огромном своде правил семьи Чу.

Чу Юнь небрежно пролистал список, взял ручку и, бегло пробежавшись глазами по строчкам, поставил свою подпись.

Он заметил, что Ли Чжися, стоящий рядом, слегка ерзает от волнения, и недовольно

нахмурился.

- У тебя что, колючки в одежде? - спросил он.

Ли Чжися вздрогнул, поспешно выпрямился, словно по струнке, и громко ответил:

- Нет!

Чу Юнь в ответ лишь коротко усмехнулся.

Он бросил ручку и документы обратно на стол:

- Говори.

Деваться было некуда. Ли Чжися набрался смелости и, всё еще с опаской, произнес:

- Старшая сестра сказала...

«Бам!» - перевернутая тумбочка с глухим, тяжелым звуком ударилась о ковер. Этот шум случайно донесся до ушей Ши Цзяня, который как раз в этот момент выходил из оранжереи.

Он поднял голову. С этого места как раз было видно окно кабинета на втором этаже, хотя, разумеется, разглядеть внутри что-либо было невозможно.

Не зная, из-за чего Чу Юнь снова разозлился, Ши Цзянь почувствовал легкий укол беспокойства.

Ли Чжися крепко зажмурился и втянул голову в плечи, стараясь стать как можно незаметнее. Дождавшись, пока тяжелое, гневное дыхание Чу Юня придет в норму, он набрался храбрости и продолжил, говоря всё быстрее и быстрее, боясь перевести дух.

- Старшая сестра сказала: «Новая сезонная глобальная рекламная кампания Редженс Медиа и Аврора Медиа уже утверждена. Ши Цзянь, как стратегический артист группы, должен бесшовно интегрироваться в проект бренда. Маршрут в Париж и график съемок уже согласованы»...

- Этот проект связан с очередным раундом распределения ресурсов группы и аукционом интеллектуальной собственности. У партнеров прописаны пункты о неустойке, любая задержка неизбежно повлияет на рейтинг сектора...

Второй шкафчик тоже не избежал участи первого, с грохотом полетев на пол.

На этот раз Чу Юнь усмехнулся.

От этого звука у Ли Чжися волосы на затылке встали дыбом. Он сжался, еще сильнее выпрямив спину.

- Я разве не говорил ей, что мои дела - не ее ума дело? М? - спросил он.

Его голос звучал мягко и элегантно, словно он всего лишь интересовался тем, как продвигается реставрация той картины из Франции.

Психологическое давление было слишком сильным. Ли Чжися казалось, что он не может дышать, но, собрав всю свою волю, он не сдвинулся с места и, задержав дыхание, отрезал:

- Говорили!

Затем он глубоко вдохнул и, продолжая идти напролом, передал остальное:

- Старшая сестра сказала, что если вы продолжите тянуть, то после завершения всех процедур в совете директоров ресурсы могут быть перераспределены напрямую, без необходимости запрашивать ваше отдельное согласие.

Чу Юнь рассмеялся, вальяжно откинувшись на спинку стула:

- Вот как?

Затем он прижал пальцы к переносице, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. Он холодно и проницательно уставился на помощника:

- Тогда пусть идет к юристам и засудит меня до смерти.

Ли Чжися опешил и едва слышно прошептал:

- Старшая сестра сказала, что этот проект критически важен для рейтинга группы, все сектора должны работать в унисон с общим рынком, планы проектов галереи «Наследие» также продвигаются...

Он послушно повторял всё слово в слово. Фраза «Старшая сестра сказала» была той самой работой, которую он был обязан выполнить до конца.

Чу Юнь резко встал:

- А что говорил я?

Перед глазами Ли Чжися потемнело.

С него градом катился холодный пот, он с трудом выдавил из себя ответ:

- Решения группы вас не касаются.

Это была совершенно бессмысленная фраза, которую мог произнести только глубоко обиженный молодой господин.

Список коллекционных предметов полетел обратно в руки Ли Чжися.

- Как распоряжаться моей коллекцией, не им решать, - Чу Юнь направился к выходу. - Когда галерея «Наследие» сменит владельца, тогда и приходите учить меня правилам.

- ...Я передам всё в точности, - Ли Чжися, согнувшись в почтительном поклоне, поспешно последовал за ним, едва не врезавшись в спину молодого господина.

Дверь была открыта, и человек, стоявший снаружи, поспешно отступил в сторону.

- Простите, я не... - начал было он.

Он не успел закончить фразу «случайно услышал», как холодная, язвительная усмешка Чу Юня прервала его.

- Что такое, великий артист? Не терпится устремиться в большой мир? Ты даже научился таким подлым вещам, как подслушивание.

Ли Чжися отвернулся и сжался в комок, не желая видеть лицо Ши Цзяня и надеясь, что тот не заметит его присутствия, чтобы не чувствовать себя столь неловко.

Но Ши Цзянь лишь слушал, опустив глаза. Он оставался невероятно спокойным и мирным – точно таким же, каким был минуту назад, когда занимался своими цветами.

Только голос Чу Юня не умолкал, несмотря на эту покорность, становясь всё более резким и колючим.

- А, точно, - Чу Юнь словно внезапно что-то вспомнил. Он сжал пальцами подбородок Ши Цзяня, заставляя того смотреть себе прямо в глаза.

Он понизил голос, и его интонация стала обманчиво нежной, словно он произносил слова любви:

- Ради этого шанса ты был готов даже встать на колени и лизать мне ноги. А теперь, когда ты пригрелся под крылом старшей сестры и летишь в Редженс Медиа, тебе, конечно, не терпится еще больше.

Увидев, как зрачки Ши Цзяня внезапно сузились, Чу Юнь почувствовал глубокое удовлетворение.

- Посмотри на себя сейчас, разве ты не получил желаемое? Каково это – купаться в лучах славы?

Он улыбнулся, слегка прикусил верхнюю губу собеседника, а затем запечатлел поцелуй на его очаровательных глазах.

- Но что же теперь делать? – его сожаление звучало почти искренне. Он приблизился к самому уху Ши Цзяня, лизнул мочку, всё ещё слегка сжимая его подбородок пальцами.

- Мне это не нравится.

Шепот проник в уши Ши Цзяня, нежный и вкрадчивый, словно самое интимное признание в любви.

- И не надейся.

<http://bllate.org/book/17941/1720607>